

Старший научный сотрудник
Мемориального
музея-квартиры Ю.П. Спегальского,
Кузьменко М.А.

Письмо Петра Дмитриевича Барановского к Юрию Павловичу Спегальскому

Публикация, вступительное слово и комментарий М.А. Кузьменко

Пётр Дмитриевич Барановский

Юрий Павлович Спегальский

3 июня 2012 года исполняется 103 года со дня рождения Юрия Павловича Спегальского, уроженца Пскова, всю жизнь свою посвятившего изучению и реставрации памятников псковской архитектуры и борьбе за достойное использование этих шедевров в условиях современного города.

25 лет назад родной город Спегальского откликнулся благодарностью – открыв первый и единственный в стране музей архитектора – реставратора.

К сожалению, сегодняшний музей пустует от отсутствия у псковичей интереса к этой уникальной личности XX века. Приезжают москвичи и петербуржцы, чаще всего дети и внуки тех людей, которые лично знали Ю.П. Спегальского, понимали значимость этого явления для Пскова и всей русской культуры. Именно поэтому, ко дню рождения Юрия Павловича мы предлагаем псковичам в первую очередь письмо к нему Петра Дмитриевича Барановского (1892 – 1984) от 3 января 1960 года.

П. Д. Барановский своим подвижническим трудом архитектора – реставратора, защитника древней архитектуры спас до 90 памятников зодчества в России, на Украине, в Азербайджане, Белоруссии. Это он основал первый музей под открытым небом в Коломенском, Музей Андрея Рублёва в Андрониковом монастыре. Это он спас ценою нескольких лет ссылки от взрыва Собор Василия Блаженного. Это он исследованием и реставрацией знаменитой Пятницкой церкви XII века в Чернигове в корне изменил взгляд историков архитектуры на зарождение национального зодчества. Это, благодаря его зарисовкам и чертежам разрушенного в 30-е годы Казанского собора в Москве, его ученик – реставратор О.И. Журин, с его благословения восстановил собор к 1994 году, уже после смерти Петра Дмитриевича. Бесконечно можно перечислять множество дел по спасению памятников всего Советского Союза. Но, вначале, псковичам надо знать, что Пётр Дмитриевич Барановский полубил Псков с первого своего приезда в наш город. Это было в 1917 году. Затем была встреча с Ю.П. Спегальским и Ольгой Константиновной Аршакуни в послевоенные годы. Эти отношения единомышленников продолжались долгие годы и объяснялись одной заботой – спасти древнюю архитектуру нашего города. Предлагаемое письмо – одно из четырёх писем, обнаруженных недавно в разбираемом фонде О.К. Аршакуни.

Для комментария письма мы воспользовались материалами, изданными фондом П.Д. Барановского. Практически до 90-х годов XX века его деятельность не была известна широкой общественности. Сейчас, благодаря

фонду Барановского, всё изменилось. И каждый, кому открылась деятельность практически нашего современника, окажется в плену этого выдающегося человека.

3. I. 60 г.

Глубокоуважаемый Юрий Павлович!

Поздравляю Вас и Ольгу Константиновну с Новым годом и от всей души шлю самые лучшие пожелания. Полагаю, что это письмо явится для Вас совершенно неожиданным после почти пятилетнего перерыва какого-либо общения. Полагаю, что даже извиняться за то, что я не выполнил той надежды на редактирование Вашей книги[\[1\]](#), которую возлагали на меня Вы и Грабарь, было бы бесполезно. Здесь основная моя вина в том, что я переоценил свои силы и возможности и не мог отказать ни Вам, ни И.Э., помочь такому хорошему делу, а в результате, вышло наоборот. На самом деле и мне, и Вам, и Грабарю, должно быть понятно, что в наших условиях человек, искренне и от души занимающийся делами охраны и реставрации памятников, ни писать, ни, тем более редактировать, чужие труды и даже больше того, серьёзно заниматься систематической научной работой, не в состоянии[\[2\]](#). Поэтому-то те, кто занят этим делом и не уходит от него постоянно или временно, обычно не пишут, а те пишут, кто могут сидеть в библиотеках, в кабинетах теоретического направления институтов.

Поэтому я полагаю, что Вы на меня не сердитесь, и решение Вам написать письмо по вопросам, которые могут быть для Вас интересны (а пишу я обычно чрезвычайно редко, не люблю и не хватает времени).

Первое, о чём я хочу сообщить Вам, - это о Вашем труде «Гражданская архитектура Пскова». Я знаю, что он, к сожалению, ещё не издан, и вот теперь, когда подвернулся подходящий случай, я сделал то, что от меня зависело, в Госстройиздате занял место мой друг Вадим Юлианович Циркунов,

архитектор, работавший несколько лет тому назад в Центр[альной] рест[аврационной] мастерской Акад[емии] Архит[ектуры]. Я показал ему Ваш труд, хранящийся у меня с тех далёких уже времён, и несколько подаренных Вами мне фотографий реконструкций псковских палат и, понятно, дал ему самую высокую оценку, говоря по чистой совести, что за последние, по крайней мере десяток или два десятка лет, не выходило ещё труда, так серьёзно и глубоко раскрывающего данную область русского строительства, и что данный материал имеет важнейшее значение и для нового строительства. Понятно, им было воспринято это с полным доверием, а фото с Ваших проектов палат Меншиковых, Гурьевых и других, воочию убедили его как архитектора. Он обещал самую деятельную помощь и содействие и просил Вас повидаться для переговоров и договорённости. Затем он звонил мне о том, что беседовал с неким Г. Ступиным, которому, оказывается, известна Ваша книга и, который столь же положительно отзывался о ней и о необходимости срочного её издания. Вот это обстоятельство и заставило меня немедленно написать Вам об этом. Я глубоко уверен в том, что дело это будет реализовано в самое близкое время, и поэтому надеюсь видеть Вас в Москве по этому вопросу.

Независимо от будущих личных переговоров, мне всё же хотелось сказать Вам несколько своих мыслей о Вашем труде с самым искренним пожеланием видеть его ещё более полноценным, чем он даже является в современном виде (в данном случае я говорю о труде 1953 года).

Поэтому я полагаю Вы не посетуете на меня за то, что я буду говорить о том, что является, с моей точки зрения, пока недостатком столь драгоценного труда.

В заглавии говорится о зодчестве Пскова в целом, и поскольку в самом исследовании взята система монографической характеристики памятников в порядке хронологического развития различных типов и видов палат XVII века, (а не только каких-либо выдающихся объектов), является безусловно необходимым охватить именно все известные и значительные

памятники Пскова. Ведь по - существу, ваше исследование охватывает почти все памятники известные и сохранившиеся, поэтому просто непонятным является, как можно не дать хотя бы планов таких замечательных памятников как палаты Русиновых или Подзноевых, или Архиерейского приказа[3]. В диссертации такой пропуск мог бы быть допущен, а в труде, который должен навсегда запечатлеть дивную гражданскую архитектуру Пскова это упустить было бы не только жалко, но даже непростительно. Я, конечно, прекрасно понимаю все трудности, предстоящие для опознания такого, например, испорченного памятника, как палаты Подзноевых[4], но надо дать всё, что возможно с Вашим опытным и зорким глазом и познаниями. И я полагаю, что и времени-то на всё это не так уж много нужно будет. Один месячный отпуск на месте в Пскове, да ещё обработка, и через полгода весь труд будет на самом высоком уровне, будет настоящим памятником этому крупнейшему явлению русского зодчества. В данном случае я повторяю в усиленной форме то, что уже говорил тогда, 5 лет тому назад, но тогда это были поверхностные впечатления, а теперь результат обстоятельного штудирования Вашей книги. Однако, возможно, что к настоящему времени Вами уже и восполнен этот пробел, и тогда моё высказывание является устарелым – тем лучше. А тогда я Вас поздравляю и очень за Вас радуюсь. Ещё необходимо издать эту книгу на самом высоком полиграфическом уровне. Примерно так, как издана тем же издательством книга Ревякина «Техника акварельной живописи». Необходимо дать несколько перспективных рисунков памятников и таких великолепных ансамблей, как группа палат Меншиковых в цвете, необходимо дать также в цвете те изразцы, которые были найдены Вами в палатах (Яковлева, Печенко и т.д.) и, по возможности, реконструкции печей. И, может быть, 1 – 2 интерьера и т.д. Необходимо, чтобы книга увлекала красотой этого явления не только специалистов, но и более широкие круги.

Я помню, что когда в своё время Вы писали об издании книги, Вы справедливо указывали на то, что её издание должно помочь делу сохранения самих памятников в натуре[5]. А что же там делается?! Даже подумать

страшно! Ведь даже самые ценные, Ваш спроектированный некогда «заповедник на Полонище»[\[6\]](#) с целым десятком превосходных гражданских памятников застраивается и гибнет.

Неделю тому назад, в связи с тем, что мне приходится трудиться 1 день в неделю в комиссии Министерства культуры по переучёту памятников (об этом деле я расскажу лучше лично, когда увидимся, так как вопрос сложный), я вновь выдвинул эту идею[\[7\]](#), и меня поддержали и Серёгин, и вся Комиссия и обещали направить материалы и на место, а предложение в Совет Министров РСФСР. В связи с этим я без устали новогодние праздники да ещё до этого 2 выходных дня трудился над этим материалом и ещё раз внимательно проработал по Вашей книге (как видите, и это не пропало даром, что Вы оставили её у меня!). Однако скоро, когда я стал уточнять у псковского реставратора из Вашей мастерской г. Хамцова[\[8\]](#): какие изменения на этой территории, он сказал, к моему глубокому огорчению, что ряд высоких больших четырёхэтажных домов выстроен и на Великой – Советской улице, и на Некрасовской и т.д. И общий антураж уже испорчен. А ещё страшнее он сказал, что на месте палат Подзноевых[\[9\]](#) запроектирован большой дом, и их будут скоро сносить, да и сам-то он стал убеждать меня, что не следует говорить об их сохранении, что там «ничего не осталось», что они «утратили свою художественную ценность», что в них упала одна из стен и заменена новой, и следует подходить «по-государственному».

Говорят, что и против Вторых палат Меншиковых (Яковлева) построен огромный ящик в 4 этажа по типовому проекту, и фабричные корпуса «Шпагата» построены рядом с палатами Трубинских против Кремля, и Ивановский монастырь застроен фабрикой и т.д. и т.п.[\[10\]](#)

Так глубокое невежество и пренебрежение историей торжествует свою победу над памятниками народной славы и гордости, наивно полагая в своей слепоте, что и здесь творится полезное для народа.

Все последние годы, когда Вы отошли от дела защиты памятников, особенно тяжёлым является то, что в самой среде реставраторов, работающих

на этом поприще, вновь сформировавшихся и, как полагается ищущих себе чести и жаждущих быстрого роста, имеет место явление, которого не замечалось в прежние годы – это фальшивая поддельная реставрация ради заработков и т.п. Это явление вызвало естественный протест, который перерос неизбежно в борьбу, и вот на этом фронте и я уже попал в число поражённых, хотя ещё окончательно не уступил место такому, например, мерзавцу, как начальник нашей мастерской Петров[11], принявшийся вместе со сворой подхалимов и шкурников, облакаемых в форму архитектурной общественности, жестоко преследовать и издеваться всеми доступными и недоступными способами. Всякие попытки защититься кончаются, конечно, поражением, так как всякая жалоба на начальника попадает ему же на его же разрешение, и как над ним, так и под ним, сомкнётся группировка подлецов, не брезгующих никакими средствами.

Таким образом Петров отдал мой авторский проект Ново-Иерусалима[12], теперь старается устранить из Крутиц[13], а жалоба даже в ЦК ничем не помогла, кроме как вызвала озлобление и попытки опорочить клеветой при помощи своего круга близких помощников в виде секции Славянской архитектуры (так как там тоже он занимает место председателя секции «охраны памятников», которая занимается по существу охраной себя от попыток обличения). Я невольно разговорился по этому вопросу по пословице: «Что у кого болит и т.д.». Обо всём этом лучше бы помолчать, всего не расскажешь – это целые тома переписки и т.д. На это ушла бездна времени и сил для защиты себя, вместо важной работы – но сделать ничего, к сожалению, нельзя и так же, как Вы вынуждены уйти из Пскова (а теперь даже говорит кое-кто «Спегальскому даже запрещён въезд в Псков»), так и мне приходится в ближайшее время уходить от отдела реставрации на тех важнейших объектах, которым отдано много лет жизни и напряжённого труда, с полным пренебрежением своих личных интересов. И вот в результате за всё и расплата! Простите, что несколько остановился на этом вопросе, но иначе многое Вам было бы непонятно во всей ситуации вопросов сегодняшнего дня.

Ещё у меня есть одна просьба, если это не доставит для Вас затруднение.

Как Вам, вероятно, известно, я в своё время нашёл запись XVIII века о месте и надписи на камне о погребении Андрея Рублёва, раскрыл значение этой фрагментированной надписи, сделал доклад об этом в Академии Наук, вынесшей по моему предложению постановление об организации заповедника имени Андрея Рублёва. Будучи в ГУОПЕ, я старался провести это постановление, и оно было реализовано Правительством[14]. Нынешней осенью предстоит всенародное торжество юбилея А. Рублёва, организован юбилейный комитет. Среди различных генералов, составляющих комитет, и я (как это не странно) тоже попал в члены комитета (вроде как в Евангельской притче о попавшем на пир не в брачных одеждах)[15]. Придётся, конечно, (уже по положению) выступать с повторением того доклада, но, конечно, хотелось бы его и пополнить кое-чем новым. В этом отношении у меня есть идея давнишняя поехать в Ленинград и кое-что взять там из архива. Однако осуществить это в последние годы мне было совершенно невозможно, т.к. Петров посадил меня на усиленно срочные работы с 8,5 до 5 часов, и о каком-либо выезде из-за этой тупой завистливой злобы нельзя было и думать. Так вот я хочу Вас просить о таком одолжении: посмотреть в архиве археологической комиссии материалы П.П. Покрышкина к Люблинскому костёлу, в котором в 1914 году производилась расчистка фресковой живописи со славянской надписью 1413 года с именем мастера «Андрея» (предположительно Андрей Рублёв). Если же П.П. П[окрышкиным] сделаны обмеры костёла и описание архитектуры [Далее идут уточнения, откуда П.Д. Барановский почерпнул эти сведения. Нам это точно прочитать не удалось – М.К.],[16] мне хотелось бы во-первых знать точнее, что представляют собой эти материалы, а затем, может быть, можно заказать фото, отпечатать или сделать, хотя бы, бегло намётки с чертежей Покрышкина и надписи. (Надпись мне важна и по отношению к надписи, бывшей на гробе Рублёва), так как Покрышкин был там 3 недели, то материалы его должны быть значительные, но мне хотелось бы иметь хотя бы самое основное, а затем знать, сколько будет

вся эта затея стоит (так как теперь у меня положение финансовое по вышеуказанной причине труднее прежнего, и совместительство давно мне воспрещено Петровым). Во всяком случае, в пределах 50 – 70 рублей я охотно Вам или в комиссию вышлю. Очень прошу Вас об этом мне написать, а об этой части моего доклада не разглашать (так как знаете, конечно, нравы писательские и т.п.) до доклада моего в Комитете. Очень хочу повидать Вас и надеюсь на это в связи с Вашей книгой.

Вот я так долго не писал Вам, но зато сразу написал столько, что читать устанете!

Ещё раз привет Ольге Константиновне. Будьте здоровы.

Уважающий Вас П. Барановский.

Привет от Марии Юрьевны [\[17\]](#).

Р. Если скоро не можете приехать по вопросу о книге – напишите, может быть: Москва, Проезд Художественного театра, дом 2, комната 103, Заведующему редакцией «Градостроительство» «Госстройиздата» Вадиму Юлиановичу Циркунову.

Комментарии

[\[1\]](#) Речь идёт о рукописи Ю.П. Спегальского 1953 г. «Псковская каменная жилища архитектура XVII века», которая сразу же после защиты диссертации в 1951 году была рекомендована к печати.

[\[2\]](#) Подтверждением этих оправданий П.Д. Барановского может служить письмо о его работе, написанное академиком И.Э. Грабарём Президенту Академии архитектуры СССР В.А. Веснину ещё в 1947 году. Приводим его полностью: «Дорогой Виктор Александрович! В нашей стране живёт и действует в расцвете сил исключительный знаток и исследователь памятников древней архитектуры, такой архитектор – эрудит и археолог, каким должен

был бы гордиться весь Советский Союз, и какого нет во всей Западной Европе, а он до сих пор не имеет ни звания, ни степени. Реставрация любого из десятков открытых им памятников, и самый метод каждого такого открытия, равноценный докторской диссертации, а он до сих пор не член-корреспондент Академии архитектуры и даже не кандидат наук, ибо непрерывная работа по охране и спасению от гибели ветхих произведений архитектуры, не оставляют ему времени для написания и защиты диссертации. Я полагаю, что наш общий долг – поднять вопрос о присвоении Барановскому степени доктора архитектуры или искусствоведения без защиты диссертации и избрание его в члены-корреспонденты Академии архитектуры.

29 сентября 1947 г.

Академик Грабарь».

[3] В изданной книге «Псковские каменные жилые здания XVII века. М.-Л., АН СССР, 1963» во «Введении», Ю.П. Спегальский так отвечает на вопросы, которые могли возникнуть не только у П.Д. Барановского: «Поколебать неправильное представление о псковском гражданском зодчестве XVII века, установить, хотя бы, некоторые факты подлинной истории и пробудить интерес к этому предмету, таковы цели настоящего исследования. Оно посвящено лишь узкой теме, не охватывающей построек административного, производственного, торгового, военного назначения и монастырских построек». Что же касается палат Русиновых и Подзноевых, то материалы о них в напечатанной книге есть. Возможно, Юрий Павлович прислушался к советам П.Д. Барановского и, несмотря на недостаточность исследований, дал всё, что ему было тогда доступно. Позже реставратор Б.А. Постников продолжил работу над указанными памятниками и теперь, мы можем ознакомиться с его статьёй «Палаты Русиновых в Пскове». (Данная статья опубликована в книге «Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Труды 78. М., 1979. С. 191 – 207»).

[4] О дворе Подзноевых, кроме книги Ю.П. Спегальского, читайте справку в «Кратком своде памятников истории и культуры Пскова» - «Псков через века. Памятники Пскова сегодня», составитель Лабутина И.К., СПб., ФЕРТ, 1994. С. 246 – 247. Дополнительно можно сказать следующее: реставрация двора, начатая Б.А. Постниковым в 1971 году, была приостановлена в 90-е годы, возобновлена в начале XXI века и благополучно завершена в 2009 году реставратором Е.И. Ивановым.

[5] Книга Ю.П. Спегальского «Псковские каменные жилые здания XVII века» вышла в издательстве АН СССР, это объясняет отсутствие цветных иллюстраций. Юрия Павловича этот факт очень расстраивал. К сожалению, он не мог видеть замечательный альбом, изданный О.К. Аршакуни «Народное зодчество Пскова. Архитектурное наследие Ю.П. Спегальского». М., Стройиздат, 1987 г., который включает много цветных иллюстраций. Это издание несомненно порадовало бы и Ю.П. Спегальского, и П.Д. Барановского. Именно об этом издательстве речь шла в письме Барановского.

[6] Планировку «Заповедника на Полонище» смотрите в публикации О.К. Аршакуни «Ю.П. Спегальский – теоретик и организатор охранно-реставрационного дела (Псков. Система архитектурных заповедников) – «Древний Псков. История. Искусство. Археология. Новые исследования. М. «Изобразительное искусство», 1988. С. 288 – 312».

П.Д. Барановский, возглавлявший в 1947 году секцию реставрации ГУОП, подписал решение об одобрении «Проекта заповедников», разработанного Ю.П. Спегальским. К сожалению, в Пскове к этому одобрению не прислушались ни в 40-е, ни в последующие годы.

[7] П.Д. Барановский в 1960 году закончил разработку, начатую ещё в 1945, 1956 гг. следующих дел по Пскову:

1. «Памятники архитектуры г. Пскова. Вопросы организации охранных и заповедных зон при перепланировки города. Экспертиза проектов планировки и предложения в Главное управление охраны памятников Комитета по делам архитектуры, научно – методический совет АН СССР и Министерство культуры РСФСР.

2. Памятники архитектуры г. Пскова. Разработка на плане города предложений по созданию охранных зон и учёта памятников города в виде групповых комплексов (принято Учёным советом по переучёту памятников Министерства культуры РСФСР).

[8] А.И. Хамцов – реставратор Центральной научно-реставрационной мастерской, в 50 – 60-е годы работал на реставрации псковских памятников. См. его статью «Реставрация сооружений Псковского кремля» в сборнике «Архитектура СССР», 1957 г., № 1, а также документ Псковской научно-реставрационной производственной мастерской «Сведения о памятниках истории и культуры, по которым были произведены реставрационные работы за период с 1944 по 1978 гг.», копия документа хранится в музее Ю.П. Спегальского.

[9] О дворе Подзноевых см. выше.

[10] В правдивости указанного П.Д. Барановским безобразия каждый пскович может убедиться сегодня сам.

[11] К характеристике, данной П.Д. Барановским Льву Аркадьевичу Петрову, добавляет цитата из книги Ю.П. Бычкова «Житие Петра Барановского», М., 1991. С. 5: «Вся его [Л.А. Петрова] деятельность заключалась во враждебном преследовании Барановского, который один умудрялся делать больше, чем весь институт. Это учреждение находилось в прямом подчинении Министерства культуры СССР, и Петров, зная безразличие к памятникам

Фурцевой, всячески унижал достоинство их бескорыстного заступника в лице Барановского».

[12] Работы П.Д. Барановского в Ново-Иерусалимском монастыре, начавшиеся ещё в 1923 году, продолжались в 40-50-е годы и закончились в 1959 году составлением Генерального плана консервации и реставрации всех памятников комплекса.

[13] К счастью, недругам П.Д. Барановского не удалось отстранить его от Крутиц. Этому комплексу он отдал 30 лет своей жизни, хотя, к сожалению, ему не удалось увидеть завершение реставрационных работ. «Крутицкий комплекс – бывшая резиденция Митрополита Сарского и Подольского, – по словам Ю.А. Бычкова, - представляла собой музей разнообразных памятников архитектуры конца сурового и лаконичного XV века и живописных палат, храмов, колоколен, крылец, переходов сказочного «Крутицкого теремка» конца XVII века». Сейчас это «сказочное царство» принадлежит фондам Государственного исторического музея, один из директоров которого отказался взять на хранение уникальнейший архив П.Д. Барановского. О Крутицах много публикаций, в том числе и статья П.Д. Барановского «Крутицкий дворец в Москве и его реставрация». См. альманах «Памятники Отечества», М., 1972.

[14] См. об этом: «О времени и месте погребения Андрея Рублёва. Доклад П.Д. Барановского на объединённом заседании сектора архитектуры и живописи Института истории искусств АН СССР. 11 февраля 1947 года», и Постановление СМ СССР № 3974 от 10 декабря 1947 г. за подписью Председателя Совета Министров И. Сталина и Управляющего делами Я. Чадаева «О мероприятиях по сохранению памятников архитектуры Андроникова монастыря в г. Москве». См. «Пётр Барановский. Труды, воспоминания современников» М. «Отчий дом», 1996. С. 18 – 38.

[15] См. Евангелие от Матфея. Гл. 22. Брачный пир.

[16] К сожалению, пока мы не имеем возможности более подробно изложить суть просьбы П.Д. Барановского к Ю.П. Спегальскому. Из следующего письма П.Д. Барановского известно, что Ю.П. прислал ему эти материалы, находящиеся в архиве Ленинградского отделения Института археологии (Ю.П. Спегальский с 1959 года работает в этом Институте).

[17] Мария Юрьевна Барановская (1902 – 1977) – жена П.Д. Барановского, Заслуженный работник культуры РСФСР, кандидат исторических наук, долгое время работала в Государственном Историческом музее.